

нием начала посещать танцевальный кружок.

Когда девочке исполнилось 13 лет, семья переехала в Кишинев. Любовь к танцу, глубоко запавшая в ее душу, привела Нору в балетный зал Дворца пионеров, а позднее — в хореографическое училище

года ничем особенно не выделяли ее от других выпускников училища. Поэтому и в труппе Молдавского музыкального драматического театра в 1956 г., а позднее — Молдавского театра оперы и балета им. Пушкина Э. Годова начала свой творческий путь с кордебалета.

Еще в тот день, когда маленькая Нора впервые переступила порог балетного зала и встала к тренировочному «станку», она поняла,

Молодую балерину заметили, изредка стали давать отдельные сольные вариации, а о крупных партиях никто и не думал. Но, как однажды метко заметил Аркадий Райкин, «Его Величество Случай играет в искусстве большую роль». Помог он и Годовой.

Случилось так, что на месте не оказалось ни одной исполнительницы партии Марии в «Бахчисарайском фонтане». Смелая по природе, заслуженная артистка МССР Г. Мелентьева предложила на эту роль Элеонору и сама взялась с ней работать.

Выбор был сделан удачно, труды не пропали даром. На сцене появилась юная, легкая, как облако, и в то же время элегическая Мария. Так Элеонора Годова получила «путевку в жизнь».

Во всех дальнейших спектаклях ей поручали ведущие партии. Правда, не все они одинаково удавались. Беда в том, что за короткие годы в училище Э. Годова не смогла получить достаточную техническую подготовку и уж, конечно, не могло быть и речи о каком-то твердом, сложившемся мировоззрении артистки.

Большую роль в формировании ее художнического сознания сыграл балетмейстер С. Дречин. Он буквально лепил из нее, как из воска, образы, с которыми Годова встретила впервые в своей жизни. Это — пылко влюбленная, самоотверженная Сольвейг и полная трагизма Франческа.

Но там, где балерина была предоставлена почти самой себе (а опыт ее так невелик), исполняемые ею партии не получали должного звучания. К сожалению, это можно сказать о таких ее ролях, как Одилия в «Лебедином озере». Однако

стоило «деснице» какого-нибудь великого мастера коснуться ее скрытого таланта, как он моментально начинал светиться россыпью ярких красок, рождались чистые, одухотворенные образы.

Работая с Н. Федоровой над партией Жизели, Годова окончательно разбила бытовавшее о ней мнение, будто она может играть лишь мифические, «потусторонние» тени. В первом акте все увидели живую, самозабвенно влюбленную крестьянскую девушку. Безусловно, не все было одинаково хорошо. Не хватало совершенного мастерства сценической игры, что особенно важно в мизансценах. Но было главное — яркое выразительное искусство пластики, через которые балерина донесла до зрителя основное «зерно образа», т. е. то, чего требовал великий Станиславский.

Есть все основания думать, что Э. Годова со свойственной ей настойчивостью и творческим огоньком будет и в дальнейшем совершенствовать свое актерское и хореографическое мастерство, чтобы еще с большим искусством передавать тончайшие нюансы исполняемых ею образов.

Все внутреннее существо балерины, подобно набухшей вишневой почке, разбухшей дыханием весны, тянется к светлому роднику мастерства. И ей, как всему молодому, начинающему, надо помочь увидеть и освоить все лучшее в замечательном мире искусства. Помочь помощью мудрого педагога, который любит юность и умеет о ней заботиться.

Иначе чуткая почка никогда не станет изумительным благоухающим цветком, приносящим столько радости людям.

Э. КОРОЛЕВА.

Фото А. ДАВЫДОВА.

ЗВЕЗДА

Молодые таланты

ВОСХОДИТ НА ЗАРЕ

(класс педагога Р. И. Бромберг).

Ученица Годова не отличалась ошеломляющими профессиональными данными — ни большим шагом, ни прыжком, но в ней было то, чего не было ни у одной из учениц Р. Бромберг — какая-то природная одухотворенность, которую ярко выражала тонкая, как тростинка, фигурка девочки.

На выпускном экзамене Элеонора исполняла «шесть восьмых» — очень красивый дуэт на сложных подержках, скульптурных позах и вращении с партнером. Юная дебютантка была так хороша, что этот номер до сих пор закрепился за ней как за лучшей исполнительницей. И все же мастера ба-

что ее ожидает труд тяжелый, самоотверженный, но жизненно необходимый. И она упорно работала изо дня в день, оттачивая свое техническое мастерство. В свободное время много читала. Она подчинила всю свою жизнь одному — служению богине Терпсихоре. Любимым танцем молодой балерины зрителю трудно представить, сколько тяжелого труда понадобилось Элеоноре, чтобы отшлифовать каждое движение своего тела, каждый жест. Недаром даже в массовых сценах кордебалета Годова привлекала к себе внимание необыкновенной утонченностью линий, особой працюзностью и точностью исполнения.